

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗЕ ЧЕЛОВЕКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Т. В. Лебедевская

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

e-mail: lebedevskaya@mail.ru

В статье представлено рассмотрение проблемы образа человека в художественном тексте. Автор статьи анализирует понятие языковая личность, определяет место данного термина в понимании и осмыслении художественного текста.

Ключевые слова: язык; языковая личность; персонаж художественного текста.

ON THE QUESTION OF THE IMAGE OF A PERSON IN A LITERARY TEXT

T. V. Lebedevskaya

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: lebedevskaya@mail.ru

The article presents an examination of the problem of the image of a person in a literary text. The author of the article analyzes the concept of linguistic personality, determines the place of this term in the understanding and comprehension of a literary text.

Key words: language; linguistic personality; character of literary text.

Проблема речевой деятельности была затронута в трудах Ф. де Соссюра, Л. В. Щербы, И. А. Бодуэна де Куртенэ. Триединство «язык-речь-речевая деятельность» и сегодня вызывает немало споров. Е. С. Кубрякова понятия речь и речевая деятельность ставит в один синонимический ряд: речевая деятельность – это «совокупность речевых действий и речевых ситуаций со стороны говорящего, создающего речь (речевой акт) и слушающего и воспринимающего, которая вызывается определенными потребностями, ставит перед собой определенную цель и совершенствуется в конкретных условиях» [1, с. 11].

К проблеме человека обращаются как лингвисты, так и литературоведы, психологи, философы. Для лингвиста художественный текст представляется миром, который создал автор, который выступает своего рода аналогом реального мира, а персонаж в этом «авторском» мире выступает как «модель человека». В ряде исследований (Буланов 1991; Гинзбург 1979, 1999; Гачев 1995; Кашина 1986; Макеев 1999; Сердюченко 1998; Холодова 1975) персонаж предстает как «образ человека», как довольно самостоятельная личность, так как в литературный образ заложено автор-

ское понимание человека. Нельзя не согласиться с замечанием, высказанным Е. В. Падучевой, о том, что литературоведческий анализ не может быть признан полным, «если ему не предшествует более "примитивный", но в то же время более основательный (объективный) лингвистический. Толкуя текст, следует прежде всего найти в нём те смыслы, которые в нём заложены в силу того только, что он написан на данном языке».

По словам М. М. Хисамовой, природа феномена «языковой личности» определяет правомерность его проецирования не только на реальных субъектов (автора и читателя), но и на «квазисубъект» [2, с. 329]. Персонаж занимает центральное место в литературном произведении, являясь зеркалом индивидуально-авторского мировоззрения и мировосприятия, поэтому изучение языковой личности персонажа дает возможность выявить особенности идиостиля писателя. Л. Н. Чурилина отмечает, что «вполне адекватная и исчерпывающая реализация антропоцентрического принципа в анализе художественного текста возможна в том случае, если объектом анализа является персонаж как внутритекстовый субъект литературной коммуникации, представленный в разных видах деятельности, в том числе и коммуникативной» [3].

Основная проблема состоит в том, «возможно ли, а если возможно, то как, воссоздав из текстов, принадлежащих данному персонажу в данном литературном произведении, характеристику его языковой личности, прийти в итоге к раскрытию и пониманию всего многосложного художественного образа, в основе которого лежит духовный мир этой личности» [4, с. 71].

Лингвистической науке известны различные программы описания человека по данным языка (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, С. В. Чернова). Как известно, человек мыслится в русской языковой картине мира как деятельностная, динамичная личность. Он выполняет три различных типа действий – физические, интеллектуальные и речевые. Человеку свойственны такие психические состояния, как восприятие, желание, знания, мнения, эмоции. Он всегда каким-либо образом реагирует на определенные внешние или внутренние воздействия [5, с. 39-40]. Согласно исследователям, в концептуальной картине мира слово «человек» представлено следующими смысловыми блоками: 1) человек – живое существо; 2) внутренний мир человека, представленный такими психологическими категориями, как интеллект, характер, поведение, эмоции; 3) человек – социальное существо, придерживающийся существующих в обществе норм морали; сюда мы относим и речевую характеристику; 4) человек в системе социальных отношений [6, с. 8].

Современная антропоцентрическая парадигма оперирует такими терминами, как образ человека и языковая (коммуникативная) личность. Как известно, Ю. Н. Караулов выделяет три уровня в структуре языковой личности: вербально-семантический, когнитивный, прагматический, которым в свою очередь соответствуют определенные элементы [4]. В. И. Карасик считает, что «на первый план выдвинулись вопросы о том, как язык связан с миром человека, в какой мере человек зависит от языка, каким образом ситуация общения определяет выбор языковых средств» [7, с. 5], в связи с этим также указывает на три аспекта характеристики «коммуникативной личности»: ценностный, познавательный, поведенческий. Таким образом, оба лингвиста подчеркивают условную тождественность терминов *языковая* и *коммуникативная личность*.

Заметим, что «языковая личность – более широкое и абстрактное понятие, связанное с системой языка и психофизиологическими особенностями человека, обеспечивающими процесс порождения и восприятия речи» [8, с. 10]. Коммуникативная личность – понятие более узкое и конкретное, так как всегда связано с конкретной коммуникативной ситуацией, с мыслительными процессами конкретного индивидуума, речевая деятельность которого зависит от определенных целей, мотивов, потребностей, ценностей. Существует и иная точка зрения, которая указывает на то, что понятие коммуникативной личности шире понятия языковой личности, так как предполагает характеристики, связанные с выбором не только вербального, но и невербального кода коммуникации [9, с. 53]. Однако в различных точках зрения дана отсылка к речевой деятельности, речевому поведению конкретной личности.

Важно понять, как понятия *языковая личность*, *коммуникативная личность* соотносятся с понятием *образ человека*. Ю. Н. Караулов, анализируя языковой материал, пришел к выводу, что существует возможность перехода от содержания «языковой личности» к содержанию «художественного образа», в основе которого лежит духовный мир этой личности [4, с. 71]. Так Л. Н. Чурилина, поддерживая предложенную ученым точку зрения, указывает на то, что «подход к персонажу как специфической языковой личности может привести к построению одного из возможных вариантов «художественной модели человека» [3].

Возникает вопрос, правомерно ли изучение художественного персонажа как отдельной языковой личности. Естественно, реальной языковой личностью является сам автор. Дискурс персонажа художественного произведения не отражает полноты языкового материала и закономерностей его употребления. По словам Ю. Н. Караулова, «персонаж – это искусственное создание, это конструкция ума, языковой Пигмалион автора,

и обособление его в качестве самостоятельного объекта изучения столь же искусственно, как его построение автором» [4, с. 236]. Исследование языка писателя или языка персонажа дает лишь панораму использованных языковых средств, но данный анализ лишен прагматической составляющей, «он совершенно изолирован от социально-поведенческого контекста, в котором только личность и может полностью раскрываться» [4, с. 236]. Таким образом, языковая личность – это своего рода модель. Чтобы изучить в отдельности фонетический, морфологический, синтаксический уровни языка, достаточно использовать какой-либо один научный подход. Если же речь идет о языковой личности, то необходимо достаточно много времени, чтобы дать описание ее речи и условий ее реализации, поэтому правомерно использование метода психоглосс, который поможет реконструировать языковую личность во всей ее полноте.

По словам Ю. Н. Караулова, художественный образ только тогда с наибольшей силой воздействует на читателя, когда он воспринимается как факт. «Духовный облик личности, мир ее ценностей, идеалов, устремлений, выражающихся в чертах характера и стереотипах поведения, методе мышления, социально-жизненных целях и в конкретно избираемых путях их достижения, и составляют зерно содержания художественного образа» [10, с. 223]. Ю. М. Лотман отмечает, что «читатель склонен смотреть на художественный текст как на обычное речевое сообщение, извлекая из каждого речевого эпизода отдельную информацию и сводя композиционное построение к временной последовательности отдельных событий» [11, с. 269]. Воспринимающий художественное произведение в первую очередь обращает внимание на то, как персонаж говорит и как он себя ведет во время диалога, его интересует созданный автором образ человека.

Речь героев художественных текстов способна дать различную информацию исследователям, которые занимаются моделированием языковой личности. «Анализ персонажной речи способен реконструировать речемыслительную деятельность, когнитивные процессы и, в конечном счете, саму «фабрику» идей писателя...» [3, с. 3].

М. М. Бахтин неоднократно говорил о самоценности и равноправности сознания художественного героя, созданного сознанием автора: «Слово героя создано автором, но создано так, что оно до конца может развить свою внутреннюю логику и самостоятельность, как чужое слово, как слово самого героя. Вследствие этого оно выпадает <...> из монологического авторского кругозора» [12, с. 44]. Подчеркивая самостоятельность говорящего человека в пределах художественного текста, М. М. Бахтин обращал внимание на три основных момента: 1) слово ге-

роя не просто передается в романе, но «художественно изображается»; 2) «говорящий человек в романе – существенно социальный человек, исторически конкретный и определенный»; 3) «говорящий человек в романе всегда в той или иной степени идеолог, а его слово всегда идеологема», отражающая особый взгляд на мир [13, с. 145-146].

Библиографические ссылки

1. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М. : Издательство ЛКИ, 2008. 160 с.
2. Хисамова М. М. Антагонист и протагонист как языковые личности // *Studia Linguistica XV. Язык и текст в современных парадигмах научного знания* : сборник. СПб : Борей Арт, 2006. С. 329-331.
3. Чурилина Л. Н. Антропоцентризм художественного текста как принцип организации его лексической структуры : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. СПб., 2003. 513 с.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 261 с.
5. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // *Вопросы языкознания*. 1995. №1. С. 37-67.
6. Катермина В. В. Представление национально-культурной специфики образа человека в системе номинаций XIX века (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Ростов-на-Дону, 2004. 39 с.
7. Карасик В. И. Языковой круг. М. : Гнозис, 2004. 389 с.
8. Наумова Н. Г. Языковые средства создания образа П.И. Чичикова (на материале поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души») : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Киров, 2009. 22 с.
9. Колесникова Л. Н. Языковая личность в аспекте диалога культур. Орел : ОГУ, 2001. 286 с.
10. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // *Язык и литература*. М. : Наука, 1989. С. 3-10.
11. Лотман Ю. М. Текст и внетекстовые художественные структуры // Веллер М. И. *Легенды Невского проспекта*. СПб. : Лань, 1994. С. 269.
12. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. *Автор и герой (к философским основам гуманитарных наук)*. СПб. : Азбука, 2000. С. 249-298.
13. Бахтин М. М. *Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет*. М. : Худож. лит., 1975. 502 с.